жизнь продолжа̀ецца: которой рабъ роди́цца, тому стано́вицца и свѣча́; если можетъ рабъ сто годовъ жить, и она сто годовъ горитъ, эта свѣча“.—„А што жо, кумъ,—говоритъ:—которая моя свѣча̀?“—„А вотъ гляди: твоя свѣча сечасъ потухнетъ, и жись твоя наруши́цца“.—„Нельзя ли, кумъ, переста̀вить (перемѣнить) другую? у меня дѣти ма̀лы, теперь бы надо только пожить бы!“ говоритъ.—Анделъ ему сказалъ: „два разъ Бога не омма̀нываютъ! Королю *прина-слѣдно*,—говоритъ:—помирать, а ты ево здумалъ лѣчить; я тебѣ нака̀зывалъ,—говоритъ:—ты не попомнилъ. Твоей свѣчѣ ешо горѣть 30 лѣтъ, я перемѣнилъ твою свѣчу королю—онъ *ешо* проживётъ 30 лѣтъ. А тебѣ перемѣнилъ свѣчу короля́; жись твоя короткая остаёцца: дойдёшь домой, а не то и не дойдёшь—дорогой помрёшь! Пойди же ты теперь домой. Можетъ, если подойдёшь домой, благослови своихъ дѣтей и лёжись подъ святую икону, съ душой разстава̀йся!“

Очень скоро бѣжалъ, торопился, бѣжалъ домой. Сказалъ женѣ:“ дай мнѣ теперь рубашку и подштанники бѣленькіе,—мнѣ теперь помирать!“—Лягъ онъ подъ святую икону, благословилъ своихъ дѣтей, перекрестился и скончался.

---

16. „Илья Муромецъ“.

1. Жилъ былъ мужичокъ. У ево было 12 сыновьёвъ и 12 дочерей; одинъ, Илья Му́ромецъ, былъ безъ ногъ. Отецъ ево отвёзъ въ лѣса́, въ особенную избушку, и онъ Богу молился 12 лѣтъ. Лѣтней порой приходитъ къ ему старичокъ. Старичокъ поздоровался съ имъ и говоритъ: „Илья Муромецъ, нѣтъ ли што у тебя напи́цца?“ — Илья отвѣчаетъ: „есь у меня пивцо́, отецъ привёзъ, только у меня ногъ нѣтъ; не сходишь ли самъ ты?“—Старичокъ сказалъ: „какъ добрые люди хо́дятъ, такъ и ты стань да поди́!“ — Тогда Илья Муромецъ сталъ, взялъ *туесъ*, пошо́лъ, принёсъ туесъ пива. Старичокъ немного по́пилъ и говоритъ: „Илья Муромецъ, ну-ко теперь послѣ меня допей это пиво, изъ етова туеска̀!“—И онъ вы́пилъ. Объяснилъ старику, што „я чую въ себѣ силу непомѣрную: штобы былъ столбъ отъ земли

и до небеси́, а въ столбу бы кольцо,—я взялъ бы за кольцо и поворотѝлъ всё".

— „Ты принеси́ ешо, Илю́шинька, мнѣ пи́ва!"—Принёсъ онъ *туесъ* пива. Старичокъ по́пилъ, остатки подаётъ: „допей, Илюшинька, оста́тки!" — Выпилъ и говоритъ: „теперь проти́въ той силы треть до́ли у меня нѣту, мало остаёцца силы!"—„Будетъ тебѣ! проти́въ простонаро́дія,—говоритъ:—будетъ и етой!" — Старикъ съ имъ распрости́лся; только старика и видѣлъ онъ.

2. Илья Муромецъ со́бралъ кое-што съ собо́й, отправился домо́й пѣшко́мъ. Приходитъ домой. Мать очень сдѣлалась ра̀да. А родитель былъ на па̀шнѣ, ихъ дома не́ было съ дѣтя́ми. Приказалъ Илю́шенька: „родительница, напеки́ лепёшекъ и блино́въ, я отправлюсь на па́шню къ родителю, гости́нца понесу *имя́*".—Мать напекла̀ блиновъ и лепёшекъ; онъ отправился на пашню. Приходитъ. Нѣкоторые братья́ признаю́тъ, што „ето бра́тчикъ Илья Муромецъ идётъ нашъ".—*То* онъ скричѣлъ: „идите, родитель, и вы, бра́тьи, пообѣдать, горячихъ блиновъ *ись*!" — *То* они поброса́ли топоры́, шли на *станъ*; съ имъ поздоровались, на́чали обѣдать. Илья Муромецъ [сказалъ], когда они пообѣдали: „лёжи́тесь, родитель и вы, братьи, спать, а я немножко поруб лю́ тамъ лѣсъ!" — Тутъ сказали братьи, што „мой возьми топоръ!" а другой—„мой возьми!"—„Ладно, братьи, лёжи́тесь только спать! Которой топоръ *погля́нётца*, тотъ и возьму".

Илья Муромецъ, всё равно какъ *оса́тъ*, всякую лѣсину дёргалъ, и выдёргалъ и бросалъ въ Неву рѣку. Захотѣлось ему Неву́ю рѣку спрудить, а Нева рѣка другимъ мѣстомъ прошибла. (Не могъ её лѣсомъ спрудить). Сколько не было лѣсу, онъ весь лѣсъ вы́пололъ и весь въ рѣку сбросалъ. (Какой руба́ка сла̀вной!). Приходитъ на *ста̀нъ*: „Будетъ, тя́тинька, спать!"—Тѣ стали, сдивилися. Запрегли лошадей, пріѣзжаютъ домо́й.

3. *То* пріѣхали домо́й. Онъ говоритъ, што „родитель, пусти меня въ по́ле, широ́ко раздо́лье, людей посмотрѣть, самому себя показа́ть!"—Приходитъ онъ на *ба́ршину*; видитъ народу много. Приходитъ и говоритъ: „нѣтъ ли у васъ борца́ такова?" — Одинъ выходитъ: „давай побо́ремся!" — А онъ оговорку поимѣлъ съ имъ, што „братецъ, што́бы въ

прóзьбу не ходить, хто кому *чё* сдѣлатъ!“ — Съ имъ взялúсь боротца; какъ пóднялъ, тряхнулъ, *тóрнулъ* ево óбъ землю, у ево и кишки вы́летѣли, у етова человѣка. Одново взялъ такъ, бросилъ на *ужúдку* и тово убилъ. — „Народъ слáбой!—говоритъ:—нéчево ево и *хитить!*“

4. Приходитъ домой, садился на завáлину. А у нево сусѣдъ былъ купецъ. Сусѣду сталъ обсказывать объ этѣмъ; сусѣдъ сдивился. — „Вотъ бы мнѣ такова въ лавку!“ говоритъ: — „ну, не смѣлъ бы воровáть другой!“ — Тогда Илья Муромецъ согласился къ ему въ прикáшшыки, наня́лся за 40 червóнныхъ на мѣсяцъ, — штобы семья́ ходила къ ему обѣдать. Купцу хотя дóрого, „ну, на *испытушшу*, што изъ нево будетъ!“ — согласился. Привóдитъ ево въ лавку, разсказалъ, *чё* по чёмъ продавáть. Начинаетъ торговать, и торговля идётъ ему хорошая.

Купецъ поѣхалъ на ярма(о)нку, а онъ остался торговать. Купецъ съ ярманки пріѣзжаетъ, — товары онъ распрóдалъ всѣ. — „Господинъ хозя́инъ, деньги получи, а товáру свѣжева нагружáй!“—Купецъ тому дѣлу сдивился, што „я 30 лѣтъ торговáлъ, столь не вы́торговалъ, какъ ты вы́торговалъ въ одну недѣлю!“ — Илья Муромецъ не согласился сидѣть въ лавкѣ, торговать: „лучше по бѣлому свѣту съѣздить покатàцца!“

5. Пошолъ онъ на рынокъ себѣ богатырскова коня́ искать. Сколько онъ на рынкѣ не ходилъ, а какъ руку свою́ налóжитъ, подъ рукой кóни гнуцца. Тогда онъ ходилъ пò городу, приходитъ къ свяшшеннику; у свяшшенника *своробливой* жеребёнокъ есь. Этотъ жеребёнокъ можотъ подъ рукой подъ ево дюжить.—„Поди, родитель, купи мнѣ етова жеребёнка у попа! што онъ запроситъ, то и отдай!“—Приходитъ ево родитель къ свяшшеннику, торгуетъ жеребёнка, а попъ проситъ сто рублей. Этому старичку дорого показалось, приходитъ безъ жеребёнка домой.

То Илья Муромецъ сказалъ: „што ты мнѣ, родитель, не купилъ?“—„Очень онъ дорого проситъ, сто рублей!“—„Если запроситъ онъ двѣсти, и двѣсти рублей отдай! не пожалѣй, пожалуста купи мнѣ етова жеребёнка!“ — Во второй разъ приходитъ, бáтько запросилъ за ево двѣсти рублей, а старикъ ему пóдалъ двѣсти рублей. Кое-какъ до двора́ довёлъ, постàвилъ ево въ такой струбъ и ходилъ за имъ день и

ночь, кормилъ ево. То онъ черезъ два мѣсяца почуялъ въ себѣ силу, выскочилъ изъ струба и могъ выворотить колодецъ (яму). Потомъ Илья Муромецъ скоро коня поймалъ, привязалъ коня; пошолъ на рынокъ, купилъ себѣ богатырское сѣдло и уздечку.

6. Потомъ онъ простился съ родителемъ, сялъ на коня, обсѣдлалъ ево и поѣхалъ. Отъ царя онъ жилъ разстояніе въ ста верстахъ. Былъ онъ дома у заутрени, а между етова дѣла поспѣть охота ему къ обѣднѣ къ царю. Какимъ родомъ?—прямой дорогой, гдѣ Соловей разбойникъ сидитъ на 12-ти дубахъ. Соловей разбойникъ не пропушшалъ ни коннова, ни пѣшова, на 12 вёрстъ отъ себя не допушшалъ; какъ свиснётъ, конь убьётца, и человѣкъ могъ погинуть. Былъ раньше трахтъ, забросили ёво; нихто не ѣздилъ, а онъ осмѣлился ѣхать. Пріѣзжаетъ онъ близъ Соловья разбойника, Соловей разбойникъ свиснулъ, и конь ево на колѣнка палъ. Онъ своёй буёвой палицей билъ ево по бедрами.—„Што ты, травяной мѣшокъ, врагу покоряешша? я соломенной мѣшокъ, да и то не покоряюсь!“—То конь ево спрыгнулъ, веселѣ тово побѣжалъ.

Подъѣзжаетъ близъ Соловья разбойника, а Соловей разбойникъ свистнулъ въ весь свискъ. Конь ево опять поткнулся, на колѣнки палъ. — „Што ты, травяной мѣшокъ, врагу вѣруешь? я соломенной мѣшокъ, да и то врагу не вѣрую!“ — Билъ ево по бедрами. То конь ево спрыгнулъ, веселѣ тово побѣжалъ.—Тогда видитъ Соловей разбойникъ, што онъ *гонитъ*, свистѣлъ лихимъ матомъ. Тогда конь на ето не смотрѣлъ, летитъ прямо къ дубами. *Подогналъ* къ дубами, натянулъ свой лучокъ, кленовой стрѣлой сшибъ ево съ дубовъ. Привязалъ ево къ *струменами*, отправился къ царю.

7. Ѣдетъ онъ мимо ево дочерей. А дочери увидали, сказали што „тятинька намъ гостинецъ везётъ“. Соловей разбойникъ отвѣчалъ, што „тятиньку самово везутъ въ *торокахъ*. Вы обѣдъ про Илью Муромца исправьте; онъ не пожалѣетъ и меня!“ — По скоростѣ навѣшали надъ воротами стопудовую доску: што „мы позовёмъ ево въ гости, такъ спустимъ ету доску, задавимъ ево“. — Розслушалъ Илья Муромецъ такіе рѣчи; „некоуды мнѣ обѣдать разъѣзжать, нужно мнѣ *хъ кобѣднѣ* поспѣвать!“

8. Пріѣзжаетъ прямо въ манастырь, пускаетъ своево коня въ ограду, а самъ заходилъ въ Божій храмъ. Обѣдня отходитъ, весь народъ выходитъ; также и богатыри выходятъ, видятъ, што у нево конь въ Божьемъ храмѣ, въ оградѣ; значитъ, непорядки! Одинъ богатырь увидѣвши Илью Муромца: беретъ онъ коня; „какъ ты можешь въ Божій храмъ завести коня? Я вотъ возьму тебя, какъ трепесну, только и было! (какъ ударю и убью!)“.—Илья Муромецъ на то осердился; ударилъ своей боевой стопудовой палицей богатыря,—богатырь разлетѣлся на мелки части.

9. А другой говоритъ: „вотъ, знать-то, ты мнѣ будешь братъ, силой ровнакъ!“—Илья Муромецъ сказалъ, што “въ полѣ съѣзжаютца, родомъ не считаютца! давай мы съ тобой сначала съѣдемся, побратуемся, — тожно братьями назовемся!“ — То онѣ разъѣхались съ имъ на версту, ударились, — у ихъ палица объ палицу впились обѣ, нихто не могъ другъ друга похитить. Тогда назвались онѣ братьи, што „силой равны мы съ тобой!“

10. У царя былъ балъ. Обносили по бакалу и по два, и по три, и нѣкоторые начали хвастацца, купечество—деньгами, а богатыри—войсками. А Илья Муромецъ похвастался, што „я прямой дорогой ѣхалъ, Соловья разбойника сшибъ съ дубовъ“. — Тогда не вѣрили; доложили государю, што „похвастался Илья Муромецъ Соловьемъ разбойникомъ; пушай онъ ево притапшытъ, поглядимъ, што за Соловей?“— Притапшылъ Соловья разбойника. Всѣмъ нужно посмотрѣть. Царь сказалъ: „што, Илья Муромецъ, можно ли ево заставить свиснуть?“—Илья Муромецъ съ оговоркой: „Ваше Царское Величество, я заставить заставлю, штобы меня не за *запричинить*! народъ тутъ есь хилой, которы кончатца!“— Царь приказалъ ему, штобы свиснуть тихо.

Тогда онъ царя взялъ подъ правое свое крыло, а царицу подъ лѣвое; скричѣлъ Соловью разбойнику, што „какъ можно тише свисни!“—А Соловей разбойникъ свиснулъ во весь свистъ, народу, простонародія, повалилъ какъ варомъ, много народу убилъ. То Илья Муромецъ взялъ Соловья разбойника, *палыснулъ* ево объ землю и разшибъ на мелки части (нарушилъ ево тута: што народу много погубилъ). Поблагодарилъ ево царь, взыску никакова не сдѣлалъ съ ево (што народу много онъ похитилъ).

11. То онъ отпра́вился въ путь дальше, Илья Муромецъ. *Натака́лся* онъ на Егора Златого́ра. Егоръ Златогоръ съ руки на́ руки горы перебра́сыватъ—шалитъ. (Посильнѣе Ильи-то Муромца *ишо*). Тогда *стегнулъ* Илья Муромецъ Егорову лошадь, она пры́гнула, а Егоръ Златогоръ не могъ поворотицца, увидать, отчево она пры́гнула. Во второй разъ Илю́шинька *ишо* стегнулъ Егорову лошадь, она ишо дальше упры́гнула. Тогда увида́лъ онъ Илью Муромца. — „Илья Муромецъ, ба́луешша! (понюжа́шь мою лошадку“).

Посадилъ ево со всѣмъ съ конёмъ въ карманъ Егоръ Златогоръ. У Егора стала лошадь спотыка́тца. Егоръ сталъ лошадѣ говорить: „што ты, моя лошадка, потыка́ешша? али тебѣ старось подходитъ?“—Конь отвѣчаетъ, што „ты посадилъ богатыря не хуже себя! какъ же мнѣ не тяжело, не потыка́цца?“—Вы́пустилъ ево изъ кармана, поѣхали съ имъ ря́домъ.

12. „Ну, теперь, Илья Муромецъ, поѣдемъ къ моёму родителю!“ (Егоръ Златогоръ сказалъ). Попала *имя́* старушка: идётъ старушка съ *пестерю́шкой*; сверсталась старушка проти́въ ихъ; пестерю́шка будто бы вы́рвалась у ей изъ рукъ — пустила е(и)ё на́ зе́млю. Старушка отвѣтила: „господа богатыри, подайте мнѣ пестерю́шку; у меня спина болитъ, согнуцца я не могу!“—Егоръ Златогоръ приказалъ Илью Муромцу подать старушкѣ пестерюшку. Илья Муромецъ подъѣжжаетъ къ пестерюшкѣ, хотѣлъ своей ногой подня́ть, ничево́ не можетъ подѣлать; соскочи́лъ съ коня, приня́лся рука́ми, — пестерюшка только шевелицца ма́ломало, а отъ земли́ неско́ль не подыма́цца, ничево́ не можетъ отодра́ть пё.

Наконецъ, Егоръ Златогоръ сидѣлъ смѣялся: „эхъ ты, Илю́шка, не могъ подать старушкѣ пестерюшку!“ — Тогда Егоръ Златогоръ слѣзъ съ коня́, самъ за пестерю́шку взя́лся, никакъ не могъ пестерюшку пошевели́ть. Тогда Егоръ Златогоръ сади́лся на коня́, сказалъ старухѣ: „какъ знашь, такъ и подыма́й сама: мы не можемъ!“—Старуха, наконецъ, сказала: „вы г...ы! называитесь богатыри, а г...ы, пестерю́ху не могли подать старухѣ!“ — Тогда старушка взяла́ пестерюшку и опять пошла. И онѣ поѣхали.

13. То пріѣзжаютъ къ Егору въ домъ. Приказалъ Егоръ Златогоръ поло́жить боёву палицу на огонь: „не подавай

ему руку (когда будешь здоровацца), а подавай палицу, а то онъ изуро́дуетъ у тебя руку. Отецъ,—говоритъ:—у меня слѣпо́й, всё равно не увидитъ!“— Пріѣзжаетъ; въ огонь па́лицу бросалъ Илья Муромецъ; поздоровался Егоръ Златогоръ съ родителемъ.

А тогда родитель сказалъ, што „нѣтъ ли у тебя како́ва тава́ришша, Егорушко?“ — „Я привёзъ бра́тчика Илью Му́ромца“.—„Илья Муромецъ, да́-ко мнѣ свою правую руку—поздоро́вамся со мной!“—Илья Муромецъ выхватывалъ свою боёву палицу, подавалъ старику въ родѣ руки здоро́вацца. То онъ пожа́лъ боёву па́лицу — изъ обоихъ концовъ сокъ пошолъ. Сказалъ старикъ слѣпой, што „есь у тебя, Илья Муромецъ, сила! не про́тивъ Егорушки, всё таки есь сила!“

14. Пообѣдали; поѣхали съ имъ въ путь опять. Пріѣзжаютъ близъ Невы́-рѣки́, услыха́ли въ такомъ *ура́лѣ* шумъ, *ве́рескъ*. — „Што́ такое? (пискотня́!). Подворотя́ть нужно“. — Заѣзжаютъ въ таку́ю трешшобу, оказалось: стоитъ только одинъ гробъ, а въ этѣмъ гро́бѣ нечево́ нѣтъ. Сказалъ Егоръ Златогоръ: „ну-ко, Илюшинька, не про насъ ли ета гробни́ца испра́влена? лягъ въ неё, помѣряй!“—Илья Муромецъ лёгъ въ етотъ гробъ, онъ ему до́логъ и широкъ.

Тогда Илья Муромецъ вылѣзалъ изъ етова гро́бу, Егоръ Златогоръ лягъ. Егоръ Златогоръ лягъ въ гробъ, ему всё равно какъ впило́сь: не до́логъ и не широкъ.—„Ну-ко, Илюшинька, накрой крышку! какъ придётца?“ —Илья Муромецъ накры́лъ кры́шку,—всё ра(о)вно какъ и тутъ было, впило́ся.—„Теперь можешь *скрыва́ть*!“—Илья Муромецъ сталъ открыва́ть, откры́ть не можетъ. Сказалъ Егору Златогору, што „я оторва́ть руками не могу!“—„Бей боёвой па́лицей, штобы гробъ разлетѣлся!“ — Ударилъ онъ по гро́бу, налетѣлъ на ево о́бручъ желѣзной; ударилъ во второй разъ—друго́й; въ третей разъ уда́рилъ,—три обруча.—„Знать-то, Егоръ Златогоръ, тебѣ вѣчно быть въ гробу́! Не́чево и шшолкать, три о́бруча натя́нуто на тебѣ!“

15. „Пробе́й надъ мое́й горта́нью дыру́, я тебѣ силы дамъ!“—То онъ проби́лъ своей боёвой палицей дыру. Егоръ Златогоръ сказалъ: „*Мотри́*, Илюшинька, поку́ль идутъ бѣлые слю́ни, пей, а жо́лтые пойду́тъ — не пей!“ — Пьётъ и чу́етъ въ себѣ силу непомѣрную. Пошли слю́ни жолтые, не сталъ онъ пить. — „Будетъ, Егоръ Златогоръ, мнѣ и етой

силы!“ — „Возьми боёву пáлицу и испробуй: ударь дубъ, какъ дубъ разлетúтца?“ — То онъ удáрилъ, а дубъ разлетѣлся на мéлкіе полѣньи сразу весь.

Тогда распростúлся Илюшинька съ Егоромъ Златогоромъ, немножко отъѣхалъ и окáменилъ на конѣ: ходу не стало, Господь не попустúлъ. А Егоръ Златогоръ окáменѣлъ въ гробу. (Вѣдь нынче богатырей нѣту!). И недалéко отъ Невы́рѣки онѣ [окаменѣли].

17. [Володька купеческій сынъ].

1. Было ето въ городѣ Петербургѣ. Жилъ купецъ. У ево было въ бáнкѣ 40 тысячъ, лежáло, у этова купца. Сынъ былъ у ево Володька. Купцу и этѣхъ денегъ не довольно; онъ нашолъ такихъ людей (деньги работать *ишо*), которые деньги рабóтали; въ порóжнее врéмя могли они пóдкопъ копать въ порóжнюю избу дáльше, штобы уйти éтѣмъ пóдкопомъ. Потомъ жилъ у ево годовóй работникъ. Отжилъ годъ, онѣ ево неслáвно разсчитáли. А работникъ сказалъ: „за éто я вамъ покажý *вошь въ гóлову*!“ пошóлъ и сказалъ.

Потомъ онъ приходитъ въ полицейское правлéнье, рабóтникъ; заявляетъ, *хтó* деньги рабóтатъ недѣйствúтельные. А деньги онѣ дѣлали—въ чужіе зéмли отправляли; деньги въ однéмъ словѣ не сходяцца съ дѣйствительными деньгáми. *То* полицейскіе говорятъ: „мóжешь ты намъ показать?“—„Я могу поутрý застать на дѣлѣ, хтó деньги рабóтатъ!“

2. До утрá доживáютъ. Собралáсь полиція, взяли етова работника, поѣхали къ хозяину. Полúца пріѣзжаетъ, хозяину говоритъ, што „пушшáй насъ во двóръ!“ Приходитъ во дворъ. „Хозя́инъ, давай намъ óбыскъ! гдѣ вы деньги работаите? отворяй давай подвáлъ намъ!“ — Къ подвáлу подхóдятъ, а Володька рабóчихъ спрáшиватъ: „сéднишную ночь сколько дéнегъ вы нарабóтали?“—„Сорокъ тысячъ только сéдни, полѣни́лись“, говоритъ.

Начáли кладовýю только отпирáть, эти рабочіе въ нору убѣжáли, которые готовили; остаётца сынъ Володька только тутъ. Володьки спросили: „што ты дѣлаешь?“—„Деньги рабóтаю“.—„Съ кѣмъ ты рабóтаешь?“—„Я одинъ рабóтаю, ни-